

Михаил Пойзнер

## Награда нашла героя?

...Как-то в Одесском обществе коллекционеров я случайно прислушался к негромкому разговору: «Почему так дорого медаль «За оборону Сталинграда»? Вот рядом в два раза дешевле...».

В ответ: «Вот рядом и возьми! А я отдаю с удостоверением. Это же еврейская медаль! Смотри глазами на фамилию. С такими фамилиями часто встретишь? Разве *эти* воевали?!».

...Много лет назад мой отец подружился с одним, как мне тогда казалось, чудаковатым стариком. У старика на даче потекла крыша, надо было быстро что-то делать. Не только во время ремонта, но и потом старичок довольно часто приходил к нам. Долговязый, несколько сутулый, с хорошо крючковатым носом он всегда неторопливо пересекал наш двор, зорко оглядывая всех вокруг. Все бы ничего, но на лацкане его пиджака был прикреплен... орден Ленина! И весной, и летом, и осенью – старик всегда появлялся в одном и том же «долгоиграющем» пиджаке. Согласитесь, не часто в обычный молдавский двор заходят евреи с орденом Ленина... Соседи замирали. Приостанавливались громкие разговоры, прекращались вот-вот набирающие обороты дворовые скандалы.

Честно говоря, вид у старика был далеко не героический. Даже наоборот. Многих так и подмывало спросить: откуда такая награда? И что, собственно, связывает этого орденосца именно с нашей семьей? Отец как-то путано объяснял. Я же, не выдержав, спросил: «А где вы в войну воевали?». Старик усмехнулся:

«Нет, нет! Впрямую не воевал. Воевал... в госпитале. Так получилось... Только госпиталь был прифронтовой. До передовой километров так 8, ну 10 от силы. И до тех настоящих медсанбатов

еще ой как далеко. Мы – это первая помощь, сортировка раненых. Тяжелых – дальше.

А сам «госпиталь» – большая шведская палатка, освещение – аккумуляторное или там просто фарами автомашины. Спирт, стиранные-перестиранные бинты. И опять спирт... Скальпель или нож обычный. Под руками пара пинцетов, чтобы выковырнуть застрявшую пулю. Ну и спички, чтобы хотя бы прокалить «инструмент». Самодельные носилки. Всё... А вдобавок одна-две медсестрички. Хорошо, если еще после каких-то ускоренных курсов.

Так и в строй ставили. Так и... хоронили, не отходя от «рабочего стола».

С одной руки скальпель, с другой – винтовка. Если что, ты – уже просто солдат. И за тобой теперь не только твоя жизнь... Потому и ордена боевые – «Красная Звезда», «Красное Знамя». Эти чаще всего...

С обычным гриппом или там с фурункулами к нам и близко не совались.

А «самострел»? И это тоже не прошло мимо. Прямо на месте решали – «самострел» или боевое ранение? К стенке ставили быстро, только так... Хотя на самом деле никакой «стенки» рядом не было. Бесконечное поле...»

Прервав его, я продолжал настаивать: «Так все-таки, за что же орден Ленина?!».

«Деточка, – ответил старик, – это уже после войны. В Казахстане пришлось спасать людей от чумы. Так получилось... Думаешь, мы все время сидели дома? Ты, наверное, знаешь, что в Одессе, как ехать на Черемушки, есть целая гора – Чумка? Это старое чумное кладбище. Так чтобы такая беда больше не повторилась, мы, врачи, и живем...»

Тогда мне, школьнику, эти объяснения не показались столь убедительными. Однако через много лет жизнь снова напомнила мне про Казахстан и борьбу с эпидемией.

Как-то, пробегая мимо, я от нечего делать заскочил к забытой школьной приятельнице. Пару слов еще за ту жизнь, кто, где и с кем... И тут невольно обратил внимание на ее маленького сына, играющего на полу целой грудой различных значков – очевидно, остатков брошенной коллекции. Внезапно среди побря-

кушек мелькнуло что-то очень похожее на орден Ленина (!). Я не поленился нагнуться... К огромному удивлению, это действительно орден Ленина! Приятельница всплеснула руками: «Нашелся! А мы думали, что его давным-давно украли или дети куда-то насовсем затащили...».

Орден, оказывается, достался от деда ее очередного мужа. Ни дедушки-еврея, однако, ни мужа того давным-давно нет. Возвращать как бы некому... Короче, забрал я на память этот орден, а через какое-то время все-таки показал свою находку «серьезным людям»... на Куликовом поле. «Подойди до того длинного, он как раз стоит на орденах», – сориентировали меня. Прикрыв один глаз от дыма, не выпуская сигареты изо рта, этот длинный выверенным движением сразу же взялся за оборотную сторону ордена: «Значит так – ушко родное золотое, следов запиллов нет. Уже хорошо... Теперь что на морде – эмаль как бы в норме, царапин нету. Ну, чуть потертость... Значит, носили не так часто. Видно, скромничали... Номер – шестизначный, двести пятьдесят тысяч с гаком, потом двор – двор монетный, ленинградский. Все вроде на месте...». Резко отбросив сигарету, он продолжал: «Награждали в 48-м году – за борьбу с эпидемией в Казахстане» (!).

Я был поражен мгновенной реакцией «специалиста» с Куликовского поля. На прощание мужик подмигнул: «А вообще, орденов таких наклепали что-то пятьсот тысяч с копейками, не больше. И тогда так просто не давали. Просто так давали только в довесок к Золотой Звездочке...».

«Специалист» не унимался: «А думаешь, «за борьбу с эпидемией» легко? Думаешь, чтобы броситься под танк, так надо больше смелости? Там, среди тех дикарей, те врачи умирали пачками! И выжили даже не единицы. Сам прикинь, как войти в тот чумный барак и как оттуда выползти живым!.. Хотя что тебе с этого...». А дальше скороговоркой, уже совсем одесское: «Сейчас они хорошо идут на Испанию... За каждого такого «Ленина» долларов так по 750. Что киваешь? Там у Володи голова из платины! Короче, сегодня так, а что завтра – не знают даже в опергруппе Привоза...».

Урок этот я усвоил...

Другие уроки усваивали другие, а жизнь продолжала знакомить все с новыми людьми.

Был у нас один знакомый. Скромный работник торговли... с характерной внешностью. В самом центре Одессы он держал очень престижный магазин. Буквально на второй день после торжественного открытия точки работники ОБХСС (печально известный в советское время «отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности») тормознули целую машину левых яблок. Директор, однако, вел себя весьма сдержанно. Туда-сюда... прошли в его кабинет дооформить протоколы изъятия. И только тут молодые милиционеры поняли, что к чему.

Над рабочим столом директора висела его застекленная фотография, что-то метр на метр. Лихо сдвинутая на бок кубанка, военная гимнастерка, гвардейский знак «Красная Звезда», стопка нашивок о ранениях да... три ордена Славы.

Хозяин кабинета беспристрастно прокомментировал онемевшим сотрудникам правоохранительных органов: «Здесь мне 21 год. Как раз тогда я был заместителем военного коменданта одного немецкого городка... Уже тогда я мог стать миллионером... Уже тогда! А вы тут с этими яблоками...». И не дождавшись их реакции, сказал как бы в сторону: «Сколько вокруг женщин работает за какие-то копейки? И у всех дети, а мужей вот нет... А детей поднимать как-то надо...».

И в этой ситуации он оставался настоящим Кавалером.

Старые обхссники знали: этот магазин надо обходить стороной. Кроме неприятностей, тут ничего не светит. В среде одесских работников прилавка у этого директора было прозвище *Неподсуден*.

Никогда я не видел его увешанного наградами. Этот Неподсуден носил одну-единственную колодку медали «За Победу над Германией». Как-то на пренебрежительное «Тоже мне награда!» он ответил: «Награда – не награда. Это уже что кому дороже досталось...». Имелась в виду вовсе не медаль, а великая Победа.

При нем никого никогда нельзя было обидеть. Его не могли озадачить приказные звонки из горкома или обкома. Как и в былые времена, он, лихой дивизионный разведчик, всегда был готов к рукопашной.

И такие были.

...Почти рядом со мной, на углу Раскидайловской и тогда Манежной улиц, в частном дворе жил невысокого роста коренастый мужчина. Время от времени он в «домашней одежде» выбегал на угол, чтобы втихаря стрельнуть папиросу у случайного прохожего – дома, очевидно, был введен строжайший запрет на курение. Как-то раз, чтобы прикурить, он остановил моего отца. Мы познакомились.

Сосед слегка прихрамывал. Все это война. Лицо со следами ожогов и шрамов, вставные золотые зубы...

Приходилось буквально вытягивать из него по слову.

Родители, жена и дети погибли в захваченной Одессе, в Слободском гетто. Остался только он и брат. Воевали вместе в дальнобойной артиллерии, на 1-м Белорусском. Воевали до конца. Украина, Белоруссия, Польша, Германия. Он – командир батареи, брат – «по блату», в разведке. Он как он, а брат уходил в глубокий тыл врага с радиопередатчиком за спиной, чтобы вызывать огонь на себя. Так оттуда и не вернулся...

А сам в Одессу попал только в конце 50-х. На Дальнем Востоке, на границе с Китаем дослужился до полковника.

О войне говорил крайне редко, с большой неохотой.

Как-то в День Победы я встретил его «по форме», в орденах и медалях. Один знак, однако, был мне незнаком. Орден Александра Невского – награда, по сути, полководческая. Награжден в январе 45-го, после Висло-Одерской операции, будучи гвардии капитаном, – за исключительные действия, обеспечившие победу над численно превосходящими силами противника. Сосед зло шутил: «До Героя так и не дотянул, отделался «Александром Невским». И это после «Красной Звездочки» и «Красного Знамени».

Во время застолий внезапно вскакивал и, энергично дирижируя сам себе, возбужденно, затыгивал:

...Артиллеристы, Сталин дал приказ,  
Артиллеристы, зовут Отчизна нас,  
Из сотен тысяч батарей –  
За слезы наших матерей...

При этом, как когда-то на фронте, он резко давал отмашку рукой. Мол, огонь!..

Через много лет я поинтересовался судьбой не совсем обычного ордена. Родственники давным-давно махнули за океан, чтобы вывезти «Александра Невского», ездили в Москву за специальным разрешением.

А в памяти навсегда застряло, как когда-то сосед, поднимая меня, мальчишку, высоко над головой, приговаривал: «Мы выжили! Мы выжили!..».

...Несколько лет назад, въезжая на 3-е Еврейское кладбище, пожилой водитель притормозил перед закрытыми воротами. Охранник поспешил за очередными «пару рублями». К удивлению, денег он не взял, а наоборот, поклонившись несколько раз, пропустил машину, что-то бормоча себе под нос. Я стал невольным свидетелем произошедшего. Охранник, как бы оправдываясь, обратился ко мне, поясняя руками: «У него аж три (!) медали «За отвагу». И что-то там еще... Ты такое видел?! Это ж минимум надо было хотя бы раза три махнуть на себя и на свою жизнь...».

А кто вообще на войне считал те минимумы? Надо было воевать...

...Кажется, всю жизнь передо мной мелькали люди с наградами – сначала в военной форме, потом в полувоенной, потом – в гражданской, но с неизменными орденскими колодками на груди.

Какое-то время награды носили даже охотно, потом стало как-то неудобно, потом незаметно ушло целое поколение победителей.

Остались кричащие наградные документы, которые каждый читает по-своему.

Разве *эти* воевали?!

*Эти* воевали.

С оружием в руках или со скальпелем, у чертежной доски или у торпедного аппарата, у токарного станка или за штурвалом истребителя, за дирижерским пультом или за пультом «Катюши»...

Они нашли свое место на войне.

Они не занимали очереди за наградами.

Они всегда (при жизни и после смерти) оказывались в самом конце этой очереди.

Сотням тысяч награды все же достались.

Миллионам досталась пуля за колючей проволокой оккупации. И это в лучшем случае... Не было б этого, быть может, медалей «За оборону Сталинграда» на всех и не хватило бы.

А так до наградных листов не дошло.

Обошлись без похоронок, почетных караулов и трех прощальных выстрелов в воздух.

Вот такая арифметика.

